

НИКОЛАЙ НЕПОМНЯШИЙ

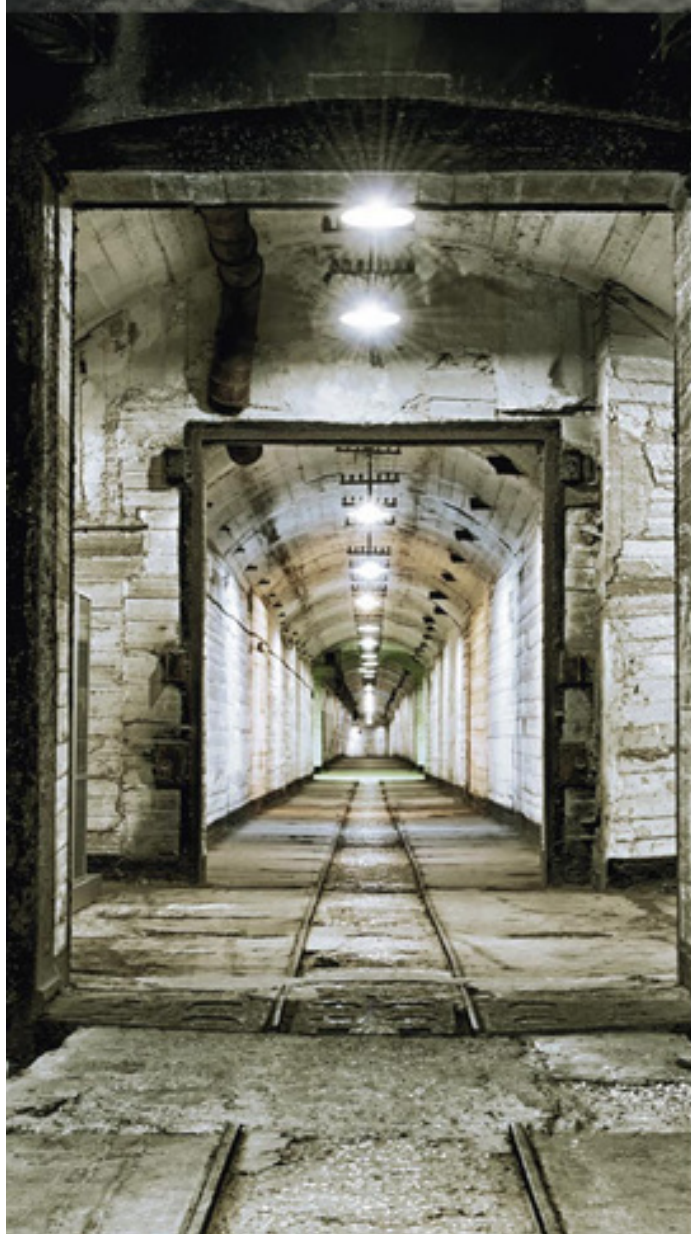
ШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ. МЫ ПОБЕДИЛИ

СССР

Великая Отечественная война наша самая большая победа. Война в Европе кончилась. Началась разгрузка.

Центрального и Московского Комитетов ВЛКСМ. Четверг 10 мая 1946 г. ЦЕНА 20 КОП.

ЗЛОВЕЩИЕ ТАЙНЫ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ

Кто стрелял в Ленина?

Подземный аэродром
Тухачевского

Русский «Титаник»
на Ладоге

Сверхорудие Круппа,
или Безвестный подвиг
Тридцатой батареи

Луис — брат убийцы
Троцкого

Был ли убит
Иосиф Сталин

Аэростаты над
Берлинской стеной

Секретное московское
метро

Николай Непомнящий

**СССР. Зловещие
тайны великой эпохи**

«Центрполиграф»

2014

Непомнящий Н. Н.

СССР. Зловещие тайны великой эпохи / Н. Н. Непомнящий —
«Центрполиграф», 2014

Россия – страна не только с непредсказуемым будущим, но и непредсказуемым прошлым. Удивительная и загадочная история советского периода населена странными персонажами на высоких руководящих постах, у которых либо вовсе не было биографии, как будто они возникли из ниоткуда, либо их биография была такова, что впору за голову схватиться. И эти таинственные люди создавали нашу историю, которая вошла в школьные учебники на десятилетия. Пришло время развенчать убогие пропагандистские агитки, для того чтобы наконец разобраться в нашем непростом прошлом, понять настоящее и задуматься о будущем.

© Непомнящий Н. Н., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ	6
Кто стрелял в Ленина?	6
Заговор	7
Кремлевский план спасения	9
Исполнитель	10
Хроника последней пятницы августа	12
След Свердлова	14
Красный террор – путь спасения	17
Убийство Кирова	19
Киров и Сталин	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

ШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ. МЫ ПОБЕДИЛИ

ПРОТЕСТАРЬ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЕННЫХ

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Центрального и Московского Комитетов ВЛКСМ

Р. Четверг, 10 мая 1945 г.

Цена 20 коп.

Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

И. СТАЛИН.

Советский Маршал Советского Союза И. В. Сталин.

Председатель Правительства Ф. Черчилль.

Президент США Ф. Рузвельт.

Изложение тов. И. В. Сталина к народу

Советские воины и советские женщины, выйдя из Германии, поставили перед собой задачу: не только победить фашистскую Германию, но и обеспечить мир в Европе. Это — действительная задача. Мы знаем, что Германия, ставшая немецкой войной, была разгромлена. Мы знаем, что Германия, ставшая немецкой войной, была разгромлена. Мы знаем, что Германия, ставшая немецкой войной, была разгромлена.

Мы знаем, что Германия, ставшая немецкой войной, была разгромлена. Мы знаем, что Германия, ставшая немецкой войной, была разгромлена. Мы знаем, что Германия, ставшая немецкой войной, была разгромлена. Мы знаем, что Германия, ставшая немецкой войной, была разгромлена.

П Р И К А З Верховного Главнокомандующего ПО ВОЙСКАМ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОМУ ФЛОТУ

В мае 1945 года в Берлине представители германского верховного командования подписали акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершилась. Германия полностью разгромлена. Теперь же красные флоты, красные артиллерия, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, подполковники и с победоносным завершением Великой Отечественной войны.

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН.
9 мая 1945 года. № 309.

И. В. Сталин, Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль в дни Ютландской конференции.

Указ Президиума Верховного Совета СССР
Об учреждении медали «За победу над Германией
в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Орденский медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Орденский медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

№ 309 (1945)

Орденский медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Николай Николаевич Непомнящий

СССР. Зловещие тайны великой эпохи

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

Кто стрелял в Ленина?

«1918 год для Российской империи начался на два месяца раньше, 25 октября 1917 года, или 8 ноября по новому стилю. Именно в ночь с 25-го на 26-е произошла революция, названная впоследствии Великой Октябрьской, и, проснувшись утром 26-го, перепуганный петербургский обыватель с удивлением обнаружил, что многие магазины и учреждения не работают: буржуазное правительство Керенского свергнуто, сам он бежал, а власть захватили большевики – Российская социал-демократическая рабочая партия, во главе которой стоял мало кому известный в России Владимир Ульянов-Ленин».

Так начинают свое новое расследование, казалось бы, давно доказанного факта покушения на вождя революции историки-публицисты В. Романов и Е. Латий.

Рыжеватый, невысокого роста дворянин из глухого волжского городка Симбирска, юрист по профессии, революционер с двадцатилетним опытом был давно знаком царской охранке. Последний раз Владимир Ульянов был арестован в 1895 году, сослан в Сибирь, после ссылки уехал за границу, где провел шестнадцать последних лет. Больше теоретик, нежели практик, он тем не менее, обладая огромными организаторскими способностями, создал за границей Российскую социал-демократическую рабочую партию, поставившую своей целью захват власти в России. 25 октября 1917 года эта цель и была осуществлена. Мало кто знал, что, заботясь о партийной кассе, Ленин не брезговал ни подношениями крупных фабрикантов, ни разбоем своих партийных террористов, грабивших банки и пароходы; двое из них вошли в историю партии – легендарный Камо и не менее легендарный Коба, он же Иосиф Джугашвили, которого весь мир будет знать под другим именем, более кратким и похожим на имя учителя из Симбирска, – Иосиф Сталин.

Но любые деньги когда-то кончаются, а победа революции оттягивалась, началась Первая мировая война, и Ленин сделал немцам совершенно невероятное и фантастическое предложение: вывести Россию из войны. Германия держала на Восточном фронте 107 дивизий, почти половину своих войск, и кто же откажется от такой заманчивой сделки, тем более что Ленин никак не походил на шутника. За два года, с 1915-го по 1917-й, в партийную кассу большевиков, по подсчетам уже современных исследователей, перекочевало более 50 миллионов золотых марок – сумма весьма немаленькая.

И хоть не сразу, но Ленин все же сдержал свое слово. 25 октября 1917 года произошла революция, а 3 марта 1918 года Советская Россия подписала мирный договор с Германией, по которому немцам отходил 1 миллион квадратных километров территории бывшей царской империи – Прибалтика, Западная Украина и Западная Белоруссия, а также Ленин обещал выплатить Германии 50 миллиардов рублей контрибуции.

Взяв власть в собственной стране, Ленин начал с популистских деклараций, обещая всеобщий мир, отдать землю крестьянам, свободу и демократические права всем остальным. Но партия Ленина – социал-демократов – не пользовалась большой популярностью в массах, зато последние хорошо знали другую партию – социалистов-революционеров, эсеров, как сокращенно их звали в народе. Это эсеры в основном вели подпольную работу в глубинке, организовывали стачки и забастовки. Поэтому, когда в январе 1918-го, будучи в эйфории от успешного

завоевания власти, Ленин объявил выборы в Учредительное собрание, главный, как предполагалось тогда, законодательный орган новой революционной России, большевики набрали всего четверть голосов. Фактически 5 января 1918 года, когда Учредительное собрание собралось на первое заседание, большевики вдруг поняли, что потеряли власть.

Это был черный день в жизни Ленина. Выбора не было. Ленин без всяких сантиментов распустил Учредительное собрание. А если быть более точным в определениях, то разогнал. Пролетарский писатель Максим Горький даже утверждал, что это сделал сознательный анархист матрос Анатолий Железняков, который, по его собственному признанию, готов был убить миллион человек, но вместе с братом-пропойцей успел застрелить лишь 43 офицера, уверяя, что после этого «самому, знаете, приятно делается, и на душе спокойно, словно ангелы поют...». Эсеры организовали демонстрацию протеста, но ее тут же расстреляли большевики.

Вызов был брошен. Вчерашние соратники и друзья в борьбе против царя в один миг сделались врагами. Правые эсеры в знак протеста организовали свое правительство в Самаре, на Волге. Благодаря восстанию чехов они взяли власть в поволжских областях. Больше того, эсеры захватили и большую часть золотого запаса бывшего царского правительства на сумму 633 миллиона рублей. Другая эсеровская партия – левых эсеров – хоть и обиделась на большевиков, но частично осталась в правительстве, ВЧК (во Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, она была организована 7 декабря 1917 года, из которой позже выросло знаменитое КГБ) и во ВЦИКе (во Всероссийском центральном исполнительном комитете), в самом нижнем этаже которого и стояли Советы, им формально и принадлежала власть еще со времен знаменитого ленинского лозунга «Вся власть Советам!». Она и будет им формально принадлежать до распада красной империи в 1991 году, хотя с первого же дня революции власть в Советской России всегда принадлежала только партии, а конкретно ее вождям: большим – наверху, а маленьким – внизу, на местах. К внутренним бедам у большевиков прибавились и беды внешние: с марта 1918 года началась интервенция бывших союзников – Англии, Америки и Франции, на Дальнем Востоке высадились японцы, в Закавказье – турки, в Омске власть захватил Колчак, объявив себя Верховным правителем России, на Дону собирали антибольшевистскую армию Каледина и Деникина. К середине лета 1918 года большевики с трудом контролировали одну четвертую часть всей России. Всем казалось, что власть Ленина доживает последние дни...

20 июня 1918 года в Петрограде был убит большевистский комиссар по делам печати Моисей Володарский...

Спустя полтора месяца, 30 августа, в Петрограде был убит руководитель Петроградской ЧК Моисей Урицкий...

В тот же день, 30 августа 1918 года, вечером в Москве во дворе завода Михельсона раздались четыре выстрела. Человек небольшого роста, в кепке, стоявший возле машины, дернулся и упал навзничь на землю. Толпа, окружавшая его, шарахнулась в разные стороны, женщины завопили. К упавшему подбежали, перевернули.

– Поймали его или нет?.. – глухим шепотом произнес пострадавший.

Ответить ему никто не мог. Еще через час по Москве разлетелась страшная новость: убили Ленина...

Заговор

За шесть дней до покушения на бульваре около Смоленского рынка встретились три человека: Дмитрий Донской, Григорий Семенов и Фанни Каплан. Дмитрий Донской был по профессии военный врач, 5 января 1918 года как депутат должен был представлять партию правых эсеров в Учредительном собрании, являясь членом ее Центрального комитета и возглавляя военную комиссию. Донской также контролировал и боевые группы партии. Одной из

таких групп руководил Григорий Семенов, член той же партии. О Семенове мы еще расскажем более подробно.

Итак, эта встреча случилась 24 августа, в теплый летний день, еще шумела зеленая листва старых лип, и дамы носили легкие шелковые платья и яркие зонтики. Фанни Каплан появилась в черном траурном платье, поверх которого было наброшено старое коричневое пальто, а волосы прикрывала черная шляпка. Этот странный осенний наряд да еще траурного свойства привлекал немалое внимание окружающих, и Донской нервно оглядывался: всех троих могли запросто загрести в ВЧК. Комиссия теперь насчитывала около 150 сотрудников, два дня назад на председательское место вернулся Феликс Дзержинский, который самолично подавал заявление об уходе после событий 6 июля в Москве. Тогда сотрудники ВЧК Блюмкин и Андреев застрелили немецкого посла Вильгельма Мирбаха, а Дзержинского – он поехал в отряд Попова, формально считавшийся отрядом ВЧК, чтобы арестовать Блюмкина, – самого разоружили и арестовали. Это привело Ленина в бешенство: что это за руководитель ВЧК, которого арестовывают собственные же бойцы?! Но отряд Попова лишь формально числился за ВЧК, на самом деле он подчинялся левоэсеровскому ЦК, и член партии левых эсеров Яков Блюмкин, как и Коля Андреев, естественно, нашли укрытие у Попова, а левые эсеры большевиков не любили, и Дзержинского арестовали. Поэтому Ленин и не стал удерживать Железного Феликса, но с Петерсом, который стал председателем комиссии после ухода Дзержинского, у Ильича отношения не сложились. Не сложились «домашние» отношения. Феликс бегал в Кремль почти каждый день и все подробно докладывал, советовался, выполнял указания, а Петерс лишь посылал отчеты. Владимир Ильич же предпочитал держать ВЧК в поле ближнего зрения и контролировать более жестко. Вот он и вернул Феликса на место. Дзержинский занимается сейчас ликвидацией Национального центра, по городу рыщут грузовики и машины с чекистами, а тут на тебе – на лавочке сидит сам господин Семенов, под руководством которого и был убит в Петрограде Моисей Володарский, а вместе с ним вся в черном небезызвестная террористка Фанни Каплан и военный эсеровский вождь Дмитрий Донской. Хорошая компания для ВЧК. Семенов представил Донскому Фанни, они формально были незнакомы, и предоставил ей слово. Фанни заявила, что готова убить Ленина.

К портрету Каплан

«Открытый лист номер 2122. Составлен в канцелярии Акатуевской тюрьмы 1913 г. октября 1-го дня. Каплан Фейга Хаимовна, ссыльно-каторжная 1-го разряда. Волосы темно-русые, лет 28, лицо бледное, глаза карие, рост 2 аршина 3¹/₂ вершка, нос обыкновенный. Особые приметы: над правой бровью продольный рубец длиной 2,5 сантиметра».

Дополнительные сведения: из мещан Речицкого еврейского общества. Родилась в 1887 году. Девица. Недвижимого имущества не имеет. Родители уехали в США в 1911 году. Других родственников не имеет. За изготовление бомбы против киевского губернатора приговорена к расстрелу, он был заменен пожизненной каторгой. При изготовлении бомбы была ранена в голову, на каторге ослепла, позже зрение частично вернулось. На каторге хотела покончить с собой. По политическим взглядам стоит за Учредительное собрание.

Из отзыва Донского о Каплан после встречи: «Довольно привлекательная женщина, но, без сомнения, сумасшедшая, в дополнение к этому с различными недугами: глухота, полуслепота, а в состоянии экзальтации – полный идиотизм».

Заметим, что Донской – профессиональный врач.

– Я не понял, что вы сказали? – переспросил Фанни Дмитрий Дмитриевич.

– Я хочу убить Ленина, – ответила Каплан.
– Зачем? – не понял Донской.
– Потому что считаю его предателем революции, и само его существование подрывает веру в социализм.
– Чем же оно подрывает? – спросил Донской.
– Не хочу объяснять! – Фанни помолчала. – Он удаляет идею социализма на десятки лет! Донской осторожно огляделся. «Хороший разговор они ведут! – подумал он. – Для расстрела этого достаточно».
Он рассмеялся.
– Пойди-ка проспись, милая! – сказал Донской. – Ленин не Марат, а ты не Шарлотта Корде! А главное, наш ЦК никогда на это не пойдет. Ты попала не по адресу. Даю добрый совет – выкинь все это из головы и никому больше не рассказывай!
Каплан была обескуражена таким ответом. Донской попрощался с ними и быстро стал уходить. Семенов его догнал, о чем-то поговорил, вернулся к Каплан и неожиданно объявил, что все в порядке.
– Донской одобрил мой план!
– Но он же сказал совсем другое, – не поняла Каплан.
– Ты что хочешь, чтобы он первой встречной сказал: иди убивай Ленина?! Конспирация, моя милая! Забыла совсем на каторге, как это делается! Пошли, теперь надо готовиться!
И они медленно двинулись по бульвару в сторону рынка.

Кремлевский план спасения

27 августа 1918 года. Кремль. Ленин, как обычно, работал в своем кабинете, когда к нему зашел Яков Свердлов.

К портрету Свердлова

Яков Михайлович Свердлов. Родился в бедной еврейской семье в Екатеринбурге, 33 года, в 16 лет вступил в партию, был на подпольной работе, в ссылках, в 1918 году председатель ВЦИКа, главного законодательного органа республики. Свердлову подотчетна ВЧК, ревтрибунал, он второй человек после Ленина в партийной иерархии. Энергичен, честолюбив, умен, гибок, трезво оценивает обстановку. В личном сейфе лежат бланки паспортов царского образца для бегства за границу, один из них заполнен на его имя, а также крупная сумма денег в виде золота, бриллиантов и царских ассигнаций.

Свердлов принес Ленину дополнение к Брест-Литовскому договору. Сегодня его предстояло подписать. После убийства немецкого посла в Москве немцы разорвали Брест-Литовский договор, и Ленину с огромным трудом удалось погасить конфликт, согласившись на новые, еще более грабительские условия немцев. Им пришлось отдать им в долгосрочную концессию железные дороги, нефть, уголь, добычу золота. Кроме этого, Россия обязывалась передать Германии 245 564 килограмма золота, причем первый вывоз был запланирован на 5 сентября. Свердлов, показав Ленину дополнение, высказал обеспокоенность: на Москву надвигается голод, нет горючего для машин, растет сопротивление властям и откровенный саботаж. А этот договор лишь подольет масла в огонь и даст козырь эсерам в борьбе против них.

– Саботажников, заговорщиков и даже колеблющихся надо расстреливать на месте! – темпераментно проговорил Ленин. – Пусть на местах формируют тройки и расстреливают всех без всякого промедления! За хранение оружия – расстрел! За выступление против советской власти – расстрел! Неблагонадежных арестовывать и вывозить в концентрационные лагеря, которые надо организовывать прямо за населенными пунктами: пусть все видят, что их ждет за подобные поступки!

Ильич, не выдержав, даже поднялся из-за стола и стал энергично взмахивать рукой, словно диктовал очередную телеграмму. Свердлов прекрасно знал, что немало телеграмм такого содержания ушло в Пензу, Самару, Кострому, Саратов. Председателя ВЦИКа, наблюдавшего эту кровавую истерию, охватил панический ужас.

– Мы и без того расстреливаем по сотне в день и многих сочувствующих нашей власти отталкиваем от себя этими жестокими методами, играя на руку Колчаку и Деникину, они стали уже большевиками запугивать народ. Чтобы нам выжить и победить контрреволюцию, сейчас архинеобходимо сочувствие масс, их надо перетянуть на нашу сторону! – убежденно проговорил Свердлов.

– Вот и перетягивайте! Вы председатель ВЦИКа, глава законодательной власти, а я исполнитель! Я расстреливаю саботажников, контрреволюционеров и всякую остальную сволочь. А вы решайте задачи в более глобальном масштабе! – Ленин не без ехидства усмехнулся.

Свердлов не понимал этого ленинского абсолютного спокойствия. Он как-то сказал Ильичу, что запаса их власти хватит всего на две недели, столько осталось продовольствия и горючки. Ленин обрадовался: он думал, что все уже давно кончилось. Но что же дальше делать?

– Реквизировать излишки у богатеев! Военный коммунизм! Поделись с соседом. Не хочешь делиться – к стенке!

– Но народ нас не поймет, – сказал Свердлов.

– Неужели? – удивился Ленин. – Жалко! Мы только начали этот эксперимент! Народ не поймет злодея. Поэтому нам надо притвориться сиротками, нас обижают, помогите! Вот над чем подумайте!

И Свердлов всерьез задумался. Собрал своих секретарей Енукидзе, Аванесова, члена ВЦИКа и ВЧК Кингисеппа, председателя ВЧК Петерса, чекиста Якова Юровского, который еще совсем недавно с блеском выполнил одно из деликатнейших поручений его, Свердлова, и Ленина – ликвидировал в Екатеринбурге всю царскую семью. Они уединились, приняли все меры предосторожности, чтобы этот разговор не распространился. Свердлов взял со всех твердый обет молчания. И предложил свой план спасения власти. Неожиданный, хитроумный и вынужденный.

Исполнитель

Боевой летучий отряд Семенова являлся центральной группой правоэсеровской партии. Еще в начале июне он поручил своему боевику Сергееву выследить Моисея Володарского. Ему повезло. Следя за его передвижениями, боевик Сергеев выбрал и подходящее местечко, откуда можно было произвести теракт: дорога из Петрограда на Обуховский завод. Поворот у часовни. Сергеев работал маляром. До революции был анархистом. После революции вступил в партию правых эсеров. «Человек типа незаметных героев, – как вспоминал о нем позже Семенов, – готовых во имя революции на какие угодно жертвы».

В тот день, 20 июня, Сергеев выехал на «объект», чтобы выяснить, в какое время обычно там проезжает Володарский. Случилось так, что машина Володарского неожиданно остановилась именно на этом повороте, когда Сергеев только еще примерялся к будущему убийству. Володарский вышел из нее, остановился напротив засады Сергеева. Шофер возился с машиной. У Сергеева был с собой револьвер. Сердце боевика подсказало ему: или сейчас, или никогда! Сергеев поднялся из-за укрытия и выстрелил в Володарского.

Перепуганный шофер даже не погнался за убийцей. ЦК правых эсеров, узнав об этом теракте, было возмущено тем, что Семенов без их приказа осуществил его, и публично отказалось взять на себя ответственность за его проведение. Семенов фактически превращался в вожака частной банды, и смерть Володарского теперь лежала только на нем. Семенов впоследствии показывал: «Это заявление было для нас неожиданным и морально огромным ударом...

Я виделся и говорил с Рабиновичем, и, как представитель ЦК, Рабинович от имени ЦК мне заявил, что я не имел права совершать акта, и я должен был согласно последним указаниям Гоца ждать». Из показаний Коноплевой, боевика группы: «Этот акт (отречение ЦК. – Авт.) произвел тяжелое впечатление на весь отряд, и в особенности на Сергеева, который благодаря отказу партии оказался в положении простого убийцы... Того же дня я встретила на Литейном в явке «Дело народа» Рабиновича, который выразил негодование на то, что акт был произведен преждевременно, и передал приказание Семенову от имени ЦК о немедленном выезде группы из Петрограда».

Семенов хорошо понимал, что рано или поздно чекисты узнают, кто это сделал, и выследят Сергеева. Тут дело времени. Донской и Гоц, один из лидеров партии правых эсеров, без особого душевного трепета сдадут его чекистам. ЦК правых эсеров, чтобы обезопасить себя на этот счет, даже принял официальное постановление: запретить проведение террористических актов как неспособных радикально повлиять на сложившуюся обстановку.

После убийства Урицкого в Петрограде оставаться было опасно, и Семенов вместе с Сергеевым перебрался в Москву. Потом вызвал сюда и Коноплеву. Накануне ее приезда его пригласил к себе Енукидзе. Он был секретарем Свердлова и занимался вопросами военной разведки. Они были знакомы с юности. Енукидзе угостил Семенова ужином, они выпили вина. И Енукидзе предложил старому приятелю, о котором знал почти все, в том числе и о его причастности к убийству Володарского, поработать на военную разведку. Речь шла об одном деликатном деле.

– А что за дело, Авель Сафронович? – спросил Семенов.

– Покушения на Ленина и Троцкого, – ответил Енукидзе. – Но нам нужно, чтобы ты как бы подготовил эти убийства. Подобрал группу, добился согласия ЦК, нашел подходящего исполнителя, на твое ЦК и этого исполнителя потом и ляжет вся ответственность.

– А само покушение будет? – спросил Семенов.

– Это не твоя забота! – ответил Енукидзе.

К портрету Семенова

Семенов-Васильев Григорий Иванович, родился в эстонском городе Юрьев, 27 лет, самоучка, с 24 лет член эсеровской партии. Был комиссаром конного отряда, с конца 1917 года член военной комиссии ЦК правых эсеров, руководитель боевой группы правых эсеров. Писатель Виктор Шкловский, знавший Семенова, так его характеризует: «Человек небольшого роста в гимнастерке и шароварах, с очками на небольшом носу... Тупой и пригодный для политики человек. Говорить не умеет».

И Семенов стал работать. Другого выхода у него не было. Позднее, в 1922 году, на шумном процессе против правых эсеров, которых обвиняли в покушении на Ленина и убийстве Урицкого, он выступит главным свидетелем и обвинителем всей партии. А первоначальный план ему помогал «редактировать» чуть позже следователь ВЧК Яков Агранов. Вот этот план Семенова: Москва была поделена на четыре части. Боевики должны поочередно дежурить на митингах, куда приезжали выступать вожди республики. Как только появлялся Ленин, дежурный сообщал об этом районному исполнителю, и тот являлся, чтобы исполнить теракт. Все как бы просто и ясно.

Именно после разговора с Енукидзе Семенов и приступил к осуществлению своего плана. Для этого ему и потребовалась встреча с Донским. Не удовлетворившись ею, он два раза съездил к Гоцу, который жил на даче в Подмоскovie в то время. Везде конечно же он получал отказ. Но, приезжая на собрания своей боевой группы, говорил, что и Донской, и Гоц их планы одобряют.

Для убийства Ленина были отобраны четыре исполнителя: Усов, Козлов-Федоров, Коноплева и Каплан.

К портрету Коноплевой

Коноплева Лидия Васильевна, 27 лет. Закончила гимназию, училась на Высших женских курсах. До 1917 года примыкала к анархистам. В 1917 году вступила в партию правых эсеров, в начале 1918-го – в боевую группу Семенова. Последнее задание – слежка за председателем

Петроградской ВЧК Моисеем Урицким, которую она вела довольно искусно, проникнув даже в квартиру, где жил Урицкий. Напротив его комнаты помещался кабинет зубного врача. Коноплева специально сломала себе зуб, чтобы ходить на прием к этому зубному врачу и наблюдать, в какое время появляется глава петроградских чекистов.

Хроника последней пятницы августа

В 1918 году митинги в Москве проходили по пятницам и начинались в 6 вечера. В августе, вспоминает Коноплева, «три недели подряд мы посещали все митинги... Во вторую пятницу, 23-го, Ленин не выступал совсем».

30 августа Фанни Каплан должна была дежурить на заводе Михельсона, Коноплева – в районе Александровского народного дома, Козлов – на Хлебной бирже.

30 августа в 17.00 Ленин еще обедал в Кремле с женой, Надеждой Крупской. Днем пришло сообщение, что в Петрограде застрелен руководитель петроградского отделения ВЧК Моисей Урицкий. Ленин попросил Дзержинского выехать немедленно в Питер и заняться расследованием этого убийства. Аппетит его этим обстоятельством нарушен не был, он поел с удовольствием, даже шутил с женой, которая пыталась, в свою очередь, отговорить его от выступлений. Их в эту пятницу у Ленина было два: на Хлебной бирже и на заводе Михельсона. Тема: «Диктатура буржуазии и диктатура пролетариата». В ответ на напоминание жены, что районный партийный комитет запретил Ленину временно выступать на митингах, он шутливо заметил, что Яков Михайлович Свердлов строго требует от всех руководящих лиц участия в митингах и сильно побранит его за такой отказ. Перед выездом Ленин зашел к сестре, Марии Ильиничне. Она тоже стала просить его не ездить на митинг. Ленин рассердился, заявив, что в создавшейся ситуации каждое агитационное выступление прибавляет большевикам силы и сторонников. Тогда Мария Ильинична потребовала взять охрану, но Ленин лишь отмахнулся: он не может демонстрировать столь открыто свой страх перед контрреволюцией.

Около 8 часов вечера Ленин приехал на Хлебную биржу. Машину вел шофер Казимир Гиль. На Хлебной бирже находился один из боевиков Семенова – Козлов-Федотов. Позже он покажет на следствии: «Я имел при себе заряженный револьвер и согласно постановлению отряда должен был убить Ленина. Я не решился выстрелить в Ленина, потому что я колебался в вопросе о допустимости убийства представителя другой социалистической партии». Ситуация весьма странная. Профессиональный боевик ведет себя как институтка. Вспомним «план» Семенова: на каждом митинге дежурит представитель боевой группы, узнав, что приехал Ленин, он докладывает районному исполнителю. Кто же был Козлов-Федотов? Дежурный боевик или исполнитель? Учитывая, что следствие уже шло по заранее расписанной схеме и готовилось для публичного процесса, то, чтобы показать серьезность замыслов боевиков, понадобилось и такое признание Козлова.

Ленин выступал на Хлебной бирже двадцать минут, еще полчаса отвечал на вопросы, после чего уехал.

Из показаний шофера Гиль: «Я приехал с Лениным около 10 часов вечера на завод Михельсона».

В 10 часов 30 августа на улице уже темнеет. Ленина никто не встречал, и он сам прошел в заводский цех, где проходил митинг.

На заводском митинге Ленин также говорил полчаса. Еще полчаса отвечал на вопросы.

Из показаний Семенова: «Каплан по моему указанию дежурила недалеко от завода на Серпуховской площади».

Это примерно метров двести от заводского двора.

Около 11 часов вечера Ленин покинул цех и направился к машине. Так как митинг был закончен, а перед Лениным выступали еще ораторы, то вместе с Лениным во двор вышли и те, кто слушал вождя, многим хотелось задать еще вопросы. Одна из женщин посетовала, что при въезде в Москву у ее дочери отобрали муку, которую она купила в деревне. Ленин ответил, что больше отбирать не будут. Он уже собирался садиться в машину, когда раздались выстрелы. Ленин упал. Многие в страхе бросились бежать со двора на улицу. Помощник комиссара пехотного полка Батулин закричал: «Держите убийцу!» – и тоже бросился на улицу.

Из показаний Батулина: «Добежавши до так называемой Стрелки на Серпуховке, я увидел... около дерева... с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и затравленного. Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: «А зачем вам это нужно?» Тогда я, обыскав ее карманы и взяв ее портфель и зонтик, предложил ей идти за мной. В дороге я ее спросил, чуя в ней лицо, покушавшееся на тов. Ленина: «Зачем вы стреляли в тов. Ленина?», на что она ответила: «А зачем вам это нужно знать?», что меня окончательно убедило в покушении этой женщины на тов. Ленина». Абсурдность этих показаний очевидна. Но нам стоит отметить, что Каплан стояла там, куда ее поставили. Очевидно и другое, что можно вывести из показаний Бакулина: ему *приказали* опознать Каплан. Удивительно другое: почему Каплан призналась, что именно она стреляла в Ленина? Но, учитывая ее экзальтацию, ее нрав революционерки, организаторы «просчитали» и это признание. Ибо ее вели уже как убийцу, толпа ревела, требуя самосуда, и Бакулин сам говорит, что спас террористку от самосуда. У Каплан еще с 1906 года был врожденный невроз, когда она была ранена бомбой, приговорена к расстрелу, а потом помилована. Именно в силу этого она тотчас взяла всю вину на себя, категорически отказываясь отвечать на другие вопросы. То истерика, рыдания, то каменное молчание. Но не только абсурдность показаний Батулина доказывает непричастность Каплан к выстрелам. При обыске у нее был найден браунинг, но из него, по всей видимости, никто не стрелял, ибо к делу он причислен не был. В качестве решающей улики в деле фигурирует другой браунинг, который 2 сентября рабочий Кузнецов принес в Замоскворецкий военный комиссариат, уверяя, что это тот самый браунинг, из которого стреляли в Ленина. Так, в первом заявлении – в комиссариат – Кузнецов написал: «Ленин еще лежал, неподалеку от него было брошено оружие, из которого было сделано три выстрела в товарища Ленина (оружие системы браунинг), поднявши это оружие, я бросился бежать за тем лицом, которым было сделано покушение, и со мной бежали другие товарищи для задержания этого негодяя, и товарищи, бежавшие впереди меня, задержали этого человека, который делал покушение, и вместе с другими товарищами я препровождал этого человека в военный комиссариат». Слова Кузнецова – «негодяй», «этот человек» – явно свидетельствуют, что задержанный был *мужчина*. Но в заявлении в ВЧК, сделанном того же 2 сентября, вместо слов «негодяй» и «человек» Кузнецов пишет другое слово – «женщина». И это сделано явно не без подсказки «компетентных товарищей». Наконец, о мужчине-убийце свидетельствует и сам Ленин. Шофер Гиль вспоминает: «Я опустился перед Владимиром Ильичом на колени, наклонился к нему... «Поймали его или нет?» – спросил он тихо, думая, очевидно, что в него стрелял мужчина».

Тот же Степан Казимирович Гиль в протоколе допроса вносит поправку: «После первого выстрела я заметил женскую руку с браунингом». Эта поправка весьма примечательна, и допи-

сана она уже на следующий день, когда стало известно, что Каплан арестована и призналась. Не исключено, что на Гиля мягко надавили, чтобы он записал эту поправку. Ленинское же замечание «Поймали *его* или нет?» очень важно. Это не оговорка. После первого выстрела, ранившего разговаривавшую с Ильичом женщину, Ленин инстинктивно обернулся. Это и спасло ему жизнь. Лечивший его врач Вейсброд утверждал: «Лишь случайный и счастливый поворот головы спас его от смерти».

Сразу же после покушения на Ленина Семенов доложил ЦК правых эсеров, что это сделал «дружинник». Впоследствии на процессе эсеров эта деталь всплывет и застанет Семенова врасплох: он не сможет ответить, кого он имел тогда в виду. И снова, как в случае с Володарским, ЦК правых эсеров публично заявляет, что не имеет никакого отношения к данному покушению. На митинге на заводе Михельсона 30 августа присутствовали двое боевиков-эсеров: Новиков и Протопопов. Новиков выступит потом свидетелем на процессе в 1922 году и скажет, что задерживал толпу в дверях, выходящую из цеха после митинга, давая Каплан возможность выстрелить в Ленина, но тот же шофер Гиль отметит, что никакой давки в дверях не было.

Еще более любопытна фигура Протопопова. Он был без суда и следствия расстрелян 30 августа 1918 года. Протопопов – бывший матрос – был заместителем командира боевого отряда ВЧК, того самого отряда Попова, начальником контрразведки. Этот отряд принял активное участие в мятеже 6 июля, сразу же после убийства Мирбаха. Наконец, это Протопопов арестовал Дзержинского, который прибыл в отряд арестовать убийцу Мирбаха, своего сотрудника Блюмкина. После подавления мятежа Протопопов был арестован, началось следствие, его вел Виктор Кингисепп – он руководил и следствием по делу покушения на Ленина. Но в приговоре суда по мятежу левых эсеров фамилии Протопопова уже нет. Он точно исчез, всплыв неожиданно 30 августа. И вероятнее всего, он и есть тот «негодяй», который стрелял в Ленина. Но, угадывая, *кто* стрелял, вся картина покушения так и не прояснится, если не ответить на главный вопрос, который так любил задавать всем сам Ленин: кому это было выгодно? Кто стоял за Семеновым, Каплан, Протопоповым?

След Свердлова

Вечером 30 августа появляется воззвание Свердлова: «Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина. По выходе с митинга тов. Ленин был ранен. Двое стрелявших задержаны. Их личности выясняются. Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, наймитов англичан и французов». Воззвание датировано конкретным часом: 10 часов 40 минут. «Несколько часов назад» – это значит в 8 часов. Но Ленин приехал на завод – по Гилю – лишь в 10 вечера, а закончил выступать в 11 часов. И кто эти «двое стрелявших»? Каплан и Протопопов? Первая просто лучше вписывалась в задуманную Свердловым схему. Поэтому Свердлов не сомневался, что будут найдены «следы».

Кстати, о наймилах «англичан и французов»: Каплан устроили свидание с английским шпионом Локкартом, но она его не узнала. Мы уже упоминали, что руководил следствием Виктор Кингисепп. Его в свое время Свердлов ввел в ревтрибунал, Кингисепп являлся членом ВЦИКа и напрямую подчинялся Свердлову. Второй следователь по делу покушения – Яков Юровский. Земляк Свердлова, из Екатеринбурга, расстрелявший по приказу председателя ВЦИКа царскую семью. Свердлов оценил старания уральского чекиста и забрал его в Москву. На первом и других допросах Каплан присутствует секретарь Свердлова – Аванесов. Свердлов ни на секунду не выпускает это дело из своих рук. Семенов в близкой дружбе с другим секретарем Свердлова Авелем Енукидзе. Семенова арестуют 8 сентября, а вскоре он станет ценнейшим сотрудником военной разведки и ВЧК – все это стараниями Енукидзе. Он же даст организатору покушения на Ленина рекомендацию в ленинскую партию. Сам Сталин

будет читать и править его главный труд «Военная и боевая работа партии социал-революционеров в 1917–1918 годах», этот труд отдельной брошюрой издадут в Германии, а на процессе правых эсеров в 1922-м по постановлению ЦК партии защищать Семенова будет первый оратор Страны Советов Бухарин. После процесса Семенова амнистируют и по бесплатной путевке отправят отдыхать на юг. Трогательная забота о главном террористе республики. Все это наводит на мысль, что Семеновым еще до покушения руководили важные персоны, такие, к примеру, как Свердлов и Енукидзе, имевшие реальную власть в стране. Свердлов, естественно, в первую очередь.

1 сентября по приказу Свердлова комендант Кремля Мальков заберет Каплан из тюрьмы ВЧК и перевезет ее в Кремль, а 3 сентября по приказу того же Свердлова Каплан расстреляют, а тело сожгут. Там же, в Кремле, под гул моторов, во дворе автобоевого отряда¹. Свидетеля этой акции поэта Демьяна Бедного даже стошнит от запаха горелого мяса.

И это одна из главных улик, свидетельствующая, что в покушении был замешан Свердлов, ибо только ему было выгодно побыстрее уничтожить свидетелей. Ведь следствие только началось, 2 сентября принесли браунинг, Каплан должна его опознать, необходимы очные ставки со свидетелями, которые должны подтвердить ее присутствие, выстрелы, ведь стреляли в вождя не только Красной России, но и мирового пролетариата! И все признание Каплан рухнет, потому что ее *никто* во дворе видеть не мог.

Больше того, Свердлову сообщили: на Каплан накатывают истерики, слезы, революционный запал прошел, и она может не только отказаться от признания, но и рассказать подлинную историю покушения. Тогда потянут Семенова, Новикова, заговорят о Протопопове, почему и кто его расстрелял, а там... Свердлову было даже страшно об этом подумать. Поэтому надо быстрее спрятать концы в воду, пока Дзержинский в Петрограде, а Ленину врачи запрещают вставать. Нет Каплан – нет и следствия. Этот момент важен еще и потому, что Ленину стали приходить письма от старых революционеров, которые сидели вместе с Каплан на каторге в Акатуе и Нерчинске. Так, лидер левых революционеров Мария Спиридонова, узнав о расстреле революционерки, написала Ленину: «И неужели, неужели Вы, Владимир Ильич, с Вашим огромным умом и личной безэгоистичностью и добротой, не могли догадаться и не убивать Каплан. Как это было бы не только красиво и благородно и не по царскому шаблону, как это было бы нужно нашей революции в это время нашей всеобщей оголтелости, остервенения, когда раздается только щелканье зубами, вой боли, злобы или страха и... ни одного звука, ни одного аккорда любви». Замечательная характеристика времени, данная Спиридоновой!

Любопытно и еще одно свидетельство А. Балабановой, которая навестила семью вождя в сентябре 1918 года. Она пишет о слезах Крупской, которая потрясена расстрелом Каплан и тем, что революционеры вынуждены убивать революционеров, но и о реакции Ленина Балабанова приводит примечательную характеристику: «У меня сложилось впечатление, что он был особенно потрясен казнью Каплан...»

Эта фраза дает нам понять, что решение об этом принимал не он, а кто-то другой. И понятно кто: Яков Свердлов. И что Ильич не очень был рад такому решению. Но Свердлов сумел его убедить, подчинить своему решению, а значит, и степень влияния Свердлова на Ленина в некоторых вопросах была весьма сильной. Крупская вспоминает о том, что происходило в кремлевской квартире, когда раненого Ленина привезли с митинга: «Около вешалки стоял Яков Михайлович Свердлов, и вид у него был какой-то серьезный и решительный. Взглянув на него, я решила, что все кончено. «Как же теперь будет?» – обронила я. «У нас с Ильичом все сговорено», – ответил он. «Сговорено, значит, кончено», – подумала я». Любопытно само выражение: «сговорено», в нем есть некий момент снисходительности. «Сговорено» может

¹ 1-й автомобильный боевой отряд при ВЦИК – специальное подразделение для охраны членов советского правительства.

быть между двумя корешами, подельниками, сговорено, значит, заключено тайное соглашение, о котором никто знать не может и не должен.

Но что же было «сговорено» между Свердловым и Лениным? Сговорено заранее покушение на Ленина, когда предполагалось произвести холостые выстрелы, но кто-то выстрелил боевыми? Или «сговорено» о том, что Ленин, предполагая худшее, всю полноту власти передал Свердлову – именно так Крупская и поняла Свердлова. А значит, у Свердлова была еще одна причина устранить Ленина – он расчищал себе путь к единоличной власти. Любопытен и еще один эпизод: комендант Кремля Мальков в первую ночь после покушения идет по кремлевским коридорам и видит, что из-за двери ленинского кабинета вырывается узкая полоска света. Он в недоумении заглядывает в кабинет и видит: за ленинским столом сидит Свердлов и роется в бумагах на столе.

Естественно, Мальков, извиняясь, ретируется, потом с гордостью замечая в своих воспоминаниях, что Ленин ранен, а дело его продолжает жить, его лампа горит на столе. Но возникает закономерный вопрос: что понадобилось Свердлову ночью в чужом кабинете? У него есть свой кабинет председателя ВЦИКа и круг своих обязанностей. Свердлов примерялся к новой должности? Или по «сговоренности» с Лениным выполнял его работу предсовнаркома? Эпизод незначительный, но красноречивый для понимания честолюбивого характера Свердлова. Как и его фраза, брошенная Бонч-Бруевичу, управляющему всеми хозяйственными делами Кремля: «Вот, Владимир Дмитриевич, и без Владимира Ильича все-таки справляемся».

Мы уже говорили вначале о причинах, побудивших Свердлова придумать этот план спасения. В последнее время появляются версии о том, что в Ленина вовсе не стреляли, а все следы пуль – инсценировка. Это была бы оригинальная версия, но слишком много документов, где говорится о пулях, операциях, в последние втянуты немецкие врачи, а их заставить лгать, наверное, невозможно. Поэтому согласимся, что выстрелы все же были, и ранение тоже. Другое дело, что оно действительно оказалось легким. Ленин сам поднялся к себе в комнату в Кремле, сам разделся, а уже 5 сентября фактически встал и начал работать. Ради этой «ювелирной работы» и был, возможно, приглашен опытный стрелок Протопопов, чтобы инсценировать это легкое ранение, и по замыслу «режиссеров покушения» оно должно было быть еще легче – касательным, задевшим лишь кожу, обжигающим, но волнение, невольный поворот Ленина – и все изменилось. Ранение оказалось более тяжелым, чуть ли не смертельным в области шеи, пуля едва не задела жизненно важную артерию. Поэтому рассердившиеся «режиссеры» и расстреляли Протопопова.

Все это лишь наши предположения, подлинную картину тех событий мы вряд ли когда-нибудь узнаем: свидетелей давно нет, улики тоже. А если они и есть, то вряд ли будут когда-нибудь обнаружены. Спецслужбы не любят, когда бросают тень даже на их прошлое.

Стоит отметить и другое: к этой версии склоняются два таких известных исследователя данного дела, как зарубежный историк Ю. Фельштинский и русский профессор А. Литвин. И первый и второй собрали и открыли немало новых документов, касающихся этого периода. Профессор Литвин являлся составителем сборника документов «Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина». Документов, хранившихся в ВЧК – ФСБ. Правда, профессор А. Литвин говорит о двух заговорщиках – Свердлове и Дзержинском. Но нам кажется, что Дзержинский не мог участвовать в заговоре по двум причинам: после 6 июля он был отстранен от руководства ВЧК, а вернувшись туда 22 августа 1918 года, он по приказу Ленина сразу же занялся расследованием подпольной организации «Национальный центр» и арестами его руководителей. А 30 августа утром снова по приказу Ленина выехал в Петроград расследовать убийство Урицкого, а когда вернулся, то Каплан по приказу Свердлова была переведена в Кремль и расстреляна.

Кстати, приезд Дзержинского мог быть еще одним из поводов для спешки. Дзержинский считался принципиальным и кристально честным коммунистом, и он не удовлетворился столь поверхностным расследованием, захотел бы сам допросить Каплан, сумел бы разговорить ее,

и кто знает, чем бы все закончилось и в чем бы она призналась. Все это опять же из области догадок.

Красный террор – путь спасения

Покушение на Ленина всколыхнуло сторонников большевиков, партия сплотилась, а поскольку было объявлено о «следах» правых эсеров, то основной террор обрушился на них. Официально он был объявлен 5 сентября. Именно в этот день в Петровском парке в присутствии публики расстреляли свыше 80 человек. Их казнили как буржуев и контрреволюционную интеллигенцию. Перепуганных людей загоняли в круг, выкрикивая по списку, а публика сопровождала их гнусными ругательствами. Красный террор прокатился по всей стране. Писательница Нина Берберова как общеизвестный факт приводит данные о том, что в сентябре – октябре было арестовано 31 489 человек, из них более 6 тысяч расстреляли, остальных отправили в тюрьмы и лагеря. Естественно, что ни Семенова, ни членов его боевой группы это не коснулось. Его арестовали 8 сентября. Коноплева показывала: «Завязав связи с сидящими в тюрьме с ведома и по поручению ЦК, я занялась подготовкой побега Семенова, как наиболее скомпрометированного... Вначале, когда предполагалось, что аресты произведены ВЧК, я нашла возможность освободить Семенова путем подкупа стражи при помощи одного служившего в охране левого социал-революционера (не помню его фамилии) за сумму в 100 000 рублей. Через день я узнала от того же левого эсера, что Семенова в ВЧК нет». Позже, на процессе 1922 года, она скажет: он был арестован военным контролем, то есть военной разведкой.

Сам Семенов в своей книге напишет, что начал работать на ВЧК с октября 1918 года. Авель Енукидзе был связан с военной разведкой, и, видимо, этот месяц, с сентября по октябрь, Семенов находился в подвешенном состоянии, когда его «передавали» с рук на руки, из одной организации другой. Енукидзе он был уже не нужен, но он не забудет этой «услуги» старого приятеля, дав рекомендацию для вступления Семенова в члены ВКП(б), куда его примут в 1921 году.

Сталин при прочтении труда Семенова «Военная и боевая работа П-С-Р в 1917-18 гг.» на первой странице напишет: «Читал И. Сталин. Думаю, что вопрос о печатании этого документа, формах его использования и также судьбе (дальнейшей) автора дневника должен быть обсужден в П.[олит] Б.[юро] И. Стал.». Настолько оказался важен сей труд для большевиков.

Через два года Коноплева – к тому времени и она станет работать на ВЧК, вступит в партию большевиков, как и Семенов в 1921 году благодаря протекции Семенова, – очутившись в Крыму у Врангеля, встретившись с эсером Тесленко, начнет агитировать его работать на большевиков и признается ему, что Семенов в давней дружбе с секретарем Ленина Енукидзе, причем знаком с ним задолго до прихода большевиков к власти, и именно через него Семенов утвердил у Ленина и Дзержинского план террора против белых и поляков. Коноплева агитировала Тесленко вступить в их боевую группу. Только на сей раз семеновские боевики воевали уже за большевиков.

В 1922 году начался шумный процесс против партии правых эсеров. На скамье подсудимых оказались Гоц, Донской и другие лидеры правых эсеров. Весь процесс был отрететирован заранее. Семенов, готовясь к нему, написал «капитальный труд», Коноплева знала все реплики наизусть. Коноплева говорила на суде: «По протоколам допросов в ВЧК на Лубянке мы знаем, что Каплан нервничала. Вела себя агрессивно. Впала в истерику. Отказывалась давать правдивые показания о том, кто дал ей оружие, кто поручил убить Ленина. Каплан можно понять. Она своим молчанием, своей истерикой, слезами затягивала следствие. Спасала Центральный боевой отряд. Уводила партию эсеров из-под ударов красного террора. И на смерть ей было тоже нелегко идти. Она ведь на нее шла не Шарлоттой Корде, а безвестной, издерганной жизнью террористкой, поднявшей руку на вождя пролетариата. Каплан была одна из немногих

террористов в отряде ЦК ПСР, беззаветно веривших в «святое дело» Гоца. Стреляя в Ленина, она думала, что совершает подвиг во имя русской революции... Члены ЦК партии социалистов-революционеров Гоц, Тимофеев и Донской внушали нам, что без устранения Ленина с политической арены большевиков не победить. И мы этому безгранично верили».

Стоит заметить, что Каплан никогда не была членом партии левых эсеров, а красный террор был объявлен уже после ее казни. Но на эти детали на процессе мало кто обращал внимание. Судьба подсудимых была предрешена. Лидеров ЦК приговорили к расстрелу, но потом, как водится, помиловали, отправили в ссылку в разные концы СССР, а расстреляли уже в 30-х, когда Сталин вспомнил о них. На скамье подсудимых сидели и Семенов с Коноплевой. Семенова защищал лучший теоретик партии и оратор Николай Бухарин. Он впоследствии, оправдывая этот шаг и сам уже находясь в застенках НКВД, скажет на допросе: «Партия наша считала, что Семенов оказал ей большие услуги», он «фактически выдал советской власти и партии боевые эсеровские группы. У всех эсеров... он считался «большевистским провокатором». Роль разоблачителя он играл на суде против эсеров. Его эсеры ненавидели и сторонились его, как чумы».

Очень точная и ключевая фраза ко всей этой истории: Семенов «играл роль». Нам остается назвать лишь автора сценария и режиссера: Яков Свердлов. В 1919 году, подобно возмездия судьбы, он умер. Завершил эту великую постановку его духовный ученик Сталин.

Убийство Кирова

1934 год начался в СССР с XVII съезда ВКП(б), «съезда победителей», как его назвал один из выступавших, член ЦК партии, член Политбюро, первый секретарь Ленинградского обкома партии Сергей Миронович Киров. Прекрасный оратор, темпераментный, с обаятельной улыбкой, отличающийся скромностью и энергичностью, он давно уже пользовался популярностью среди многих партийцев. И его речь на съезде была встречена овацией. Зал встал и долго аплодировал, что не укладывалось в стандартные рамки разработанного самим Сталиным съездовского ритуала: ему аплодируют десять минут, всем остальным – по две минуты. Но Киров назвал Сталина «самым великим человеком всех времен и народов», и было непонятно: то ли аплодируют Сталину, то Кирову.

«На съезде был принят план второй пятилетки, не менее масштабный, чем первый, были подведены итоги индустриализации, коллективизации, цифры вдохновляли точно так же, как строящийся в Москве метрополитен, на отделку станций которого свозили со всего Союза лучший гранит и мрамор, заказывались скульптуры и огромные мозаичные панно, и Лазарь Каганович уверял всех, что каждая станция не будет отличаться от музейных залов своим великолепием. И уж конечно, выше всех в мире поднялся именно советский стратостат «Осоавиахим-1», – начинают свое историческое расследование публицисты В. Романов и Е. Латий.

В том же 1934-м в СССР состоялся I съезд советских писателей, и секретарь ЦК Андрей Жданов выступил на нем с докладом: «Советская литература – самая идейная, самая передовая в мире». На экраны СССР вышел фильм братьев Васильевых «Чапаев», который ходили смотреть целыми колоннами, как на праздник, фильм, ставший на многие годы символом нескольких поколений. И когда в фильме неграмотный старик спрашивал Чапаева: «Василий Иванович, ты за какой Интернационал будешь, за первый или за третий?», то Чапаев, почесав затылок, хитро отвечал: «Я – за большевиков!» – и зал дружно взрывался аплодисментами, потому что к 1934 году все уже были за большевиков, и сам отец народов Сталин на XVII съезде с горечью признался: «На этом съезде и доказывать нечего, да и, пожалуй, бить некого». То, что он слухавил и ввел делегатов в заблуждение, об этом мы еще расскажем, но тогда все приняли его утверждение о том, что «бить некого», за чистую монету. Забавно, что Гитлер в сентябре того 1934-го соберет своих партийных сторонников в Нюрнберге и тоже назовет этот съезд «съездом победителей». Гитлеру смысл победы был ясен, после того как 30 июня он устроил «ночь длинных ножей» для Рёма и других своих старых партийных дружков. Ему-то уж точно больше «бить было некого», но Сталин, очень интересовавшийся этой ночью 30 июня и посвятивший ей даже заседание Политбюро, извлечет из нее свои уроки и не преминет ими воспользоваться чуть позже.

18 сентября 1934 года Советский Союз стал полноправным членом Лиги Наций, но это вовсе не мешало Сталину засылать к Гитлеру своих резидентов и агитировать за тайный союз между двумя державами. Сталин предлагал сотрудничество – тайное, явное, предлагал поделить Европу, скромно притязая лишь на Прибалтику, Западную Украину, Молдавию, Польшу и Финляндию. В принципе Сталин впоследствии все забрал сам, кроме Финляндии, которая хоть и была лакомым кусочком, да оказалась не по зубам Сталину, а Польшу Гитлер нагло забрал себе. Сталин очень заботился и о международном имидже. Бернард Шоу с восторгом заявляет: «Никогда я так хорошо не ел, как во время поездки по Советскому Союзу!»

Весьма сакраментальное заявление, если учитывать, что именно в это время в СССР люди умирали от голода. Только в одном 1933 году на Украине и в Поволжье умерло около миллиона человек, люди ели друг друга. Выезжая из гостиницы «Метрополь», Шоу оставляет в гостевой книге грустную запись: «Завтра я покидаю эту землю надежды и возвращаюсь на Запад, где царит безнадежность».

Лейборист Гарольд Ласки после поездки в СССР в 1934 году восторженно восклицает: «Никогда в истории человек не достиг такого совершенства, как при советском режиме».

«Я видел будущее, и оно действует!» – заверяет своих читателей американский журналист Линкольн Стивенс, а один из известных английских биологов с трепетом рассказывал англичанам, что Сталин, вождь СССР, тайком ходит по ночам на товарные склады, чтобы помогать грузчикам.

Генрих Манн уверял всех, что Сталин ставит дух выше силы, а Сидней и Беатрис Вебб писали, что советский коммунизм – это новая цивилизация. Было отчего прийти в восторг и самим жителям одной шестой части земной суши, если американский литературный критик советовал побыстрее забрать коммунизм у коммунистов, чтобы построить его в США своими руками. «В Советском Союзе, – добавлял он, – я себя чувствовал как в святыне морали, где не перестает светить свет».

В отличие от восторженных англичан и простодушных американцев Сталин выразился проще, бросив в массы понятную всем фразу, ставшую сразу же крылатой в то время в СССР: «Жить стало лучше, жить стало веселее».

Кто знает, может быть, действительно жить стало бы лучше и веселее, не прогреми 1 декабря 1934 года в 16 часов 37 минут в Ленинграде, в бывшем Смольном институте благородных девиц, а потом штабе пролетарской революции, где находился областной комитет партии, подряд, один за другим, три выстрела. Выстрелы достигли цели, человек, в которого стреляли, был поражен первой же пулей в затылок.

– Я отомстил! – выкрикнет убийца и попытается свести счеты и со своей жизнью.

Но электромонтер, работавший в эти минуты в коридоре третьего этажа Смольного, бросит в убийцу отвертку, попадет в лицо, и пуля пролетит мимо виска. Убийца от сильного нервного перенапряжения потеряет сознание и упадет на пол. Двоих лежащих на полу мужчин обнаружат выбежавшие на звук выстрелов сотрудники обкома. Одного из них они узнают тотчас же. На следующий день в газетах в траурной рамке появится известие: «Центральный комитет ВКП(б) и советское правительство с прискорбием сообщают, что 1 декабря 1934 года в 16 часов 37 минут от рук подосланного врагами рабочего класса убийцы погиб член Политбюро и Оргбюро, секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома партии Сергей Миронович Киров».

Он и был убит первым же выстрелом.

Киров и Сталин

Они познакомились в октябре 1917 года, когда Киров в составе одной из закавказских делегаций приехал на II Всероссийский съезд Советов. Сталин в те первые дни новой власти был членом Политбюро ЦК, фактически одним из вождей, и конечно же ему было приятно опекать молодых революционеров с Кавказа. Киров ему сразу понравился: честный, открытый, с восторженным сиянием голубых глаз. Во всяком случае, уже в мае 1918-го Сталин дает Кирову рекомендательное письмо, где написано, что предъявитель сего заслуживает «полного доверия». Их тесное знакомство продолжилось после Гражданской войны. Киров информирует Сталина о положении дел на местах.

Так, в феврале 1922 года Киров сообщает Сталину: «За последнее время на Кавказе заметно такое явление: почти во всех городах и областях Сев. Кавказа и Азербайджана развивается усиленная агитация против партийных и советских работников, особенно ответственных». И Киров далее информирует, против кого направлена эта «агитация». В числе этих лиц друг Сталина и Кирова – Орджоникидзе. Если проанализировать эти сообщения и шифротелеграммы, то Киров нечто вроде секретного сталинского осведомителя.

Нам думается, что подобные услуги были выгодны как самому Кирову, так и Сталину. Первому дальше больше. Он регулировал тем самым политическое и должностное положение свое и друзей от возможных провалов, обеспечивая поддержку центра, и, оказывая помощь Сталину, по мере его продвижения вверх двигался и сам. Уже на X съезде партии (1921 г.) Киров кандидат в члены ЦК, на XII (1923 г.) – член ЦК, в 1926 году – кандидат в члены Политбюро ЦК и первый секретарь Ленинградского сначала губкома, а потом обкома партии и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б), то есть фактически партийный и реальный глава всей северо-западной части СССР. Киров сменил на этом посту ненавистного Сталину Григория Зиновьева. Здесь стоит особо заметить, что Сталин кого-либо на этот пост вряд ли бы поставил: ему во главе «зиновьевского Ленинграда» (это не секрет, что за годы своего правления с 1918 года еще в Петрограде и по 1926 год в Ленинграде Зиновьев на всех ответственных постах расставил своих людей) был нужен свой особо доверенный человек, который сумел бы расчистить зиновьевские «авгиевы конюшни».

И наконец, в 1930 году Киров – член Политбюро ЦК, а в 1934-м – уже член Политбюро, Оргбюро ЦК, правитель Ленинграда и северо-запада СССР и секретарь ЦК. Это ли не лестница успеха, не триумфальное восхождение скромного, незаметного Кирова, о котором Лев Троцкий отзывался не иначе как о «серой посредственности» и «среднем болване» Сталина?! И уж безусловно, что всем своим восхождением Киров был обязан Сталину, без помощи которого вряд ли бы «мальчик из Уржума» далекого зауральского поселка выбился в вожди красной империи. Но Сталин пришел к власти, ему нужны были свои люди для того, чтобы окончательно разделаться со всей оппозицией на всех уровнях и чтобы обеспечить себе бесконтрольную власть.

Он уже многого добился, заменив Ленина во время его болезни на посту секретаря партии. Смерть Ильича в 1924 году не застала Сталина врасплох. Он знал, что помимо него есть еще несколько признанных вождей, чей опыт и революционные заслуги позволяли им встать во главе партии. Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин и Пятаков – каждый из этой пятерки претендовал на первенство, их вместе со Сталиным и назвал Ленин в своем политическом завещании «Письмо к съезду», дав каждому исчерпывающую характеристику, указав достоинства и недостатки. Но как обязательное условие он просил не назначать Сталина секретарем ЦК в силу его врожденной грубости.

Но помимо этого было что-то еще, о чем Ленин не мог выразиться более точно. Он лишь написал, что Сталин, «сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Речь шла о наличии у Сталина тиранического характера, но Ильич не пишет об этом напрямую, он деликатно намекает на этот характер. Через десять дней, понимая, что его предостережение может быть не вполне точно расшифровано, Ленин делает добавление к этой характеристике: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризен и т. д.».

Стоит обратить внимание на эту формулировку: «предлагаю товарищам обдумать способ перемещения», словно речь идет об опасном элементе партии, с которым надо обращаться очень осторожно. Но грубость сама по себе черта не столь уж опасная. Груб, но справедлив, как скажет потом о себе Сталин, зачеркнув эту негативную характеристику. Нет бы Ильичу написать более откровенно. Обычно Ленин не очень стеснялся в выражениях, а тут, при смерти, вдруг стал деликатен и опаслив в выражениях. Боялся за свою жену, которую Сталин ненавидел? Трудно сказать. Уже потом, когда письмо, пусть и не сразу, но было обнародовано, Ста-

лин сумел – и в этом восхитительное коварство его ума – обратить этот недостаток, указанный Лениным, в свое достоинство. «Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю». И добавляет: «Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается».

Как видим, он легко переворачивает эту свою черту характера, подменяя ее нетерпимостью, жестокостью к врагам партии, раскольникам – а кто же будет против этого возражать? И Сталин остался генсеком, нужно было сражаться за единство рядов партии, и он в борьбе за это единство убирает сначала с помощью Зиновьева и Каменева основного претендента на пост генсека Троцкого, выслав в 1929 году его вообще за границу. Каменев и Зиновьев, разгадав этот маневр «хитрого грузина», начинают борьбу против него.

На XIV съезде партии Каменев выступает с речью, направленной против Сталина: «Мы против того, чтобы создавать теорию «вождя», мы против того, чтобы делать «вождя». Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и политику, и организацию, стоял над политическим органом. Мы за то, чтобы внутри наша верхушка была организована таким образом, чтобы было действительно полновластное Политбюро, объединяющее всех политиков нашей партии, и вместе с тем, чтобы был подчиненный ему и технически выполняющий его постановления Секретариат... Мы не можем считать нормальным и думаем, что это вредно для партии, если будет продолжаться такое положение, когда Секретариат объединяет и политику и организацию и фактически предпринимает политику».

Это был первый открытый выпад против генерального секретаря Сталина. Каменев в этой части речи говорит «мы». В конце, когда он расшифровывает то, что имел в виду, Каменев переходит на местоимение «я», как бы прикрывая Зиновьева: «Я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба... Эту часть своей речи я начал словами: мы против теории единоличия, мы против того, чтобы создавать! Этими словами я и кончаю речь свою». Но Сталина не проведешь, он знает, *кто* душа этого заговора, кто эти «мы» и «я».

На том же съезде именно Зиновьев настоял, чтобы было два основных докладчика, чтобы именно Зиновьев делал содоклад в пику сталинскому.

Именно 21 декабря 1925 года, когда прозвучала эта речь Каменева на съезде, определились еще два кровных врага Сталина – Зиновьев и Каменев, против которых он начнет вести непримиримую борьбу. И Кирова это коснется напрямую, потому что через год он станет первым лицом в логове зиновьевцев, так долгое время Сталин будет называть Ленинград и ненавидеть этот город. После Зиновьева и Каменева очередь за Бухариным, а с ним его друзей Рыкова и Томского. А потом и черед последнего ленинского протеже – Пятакова, который, впрочем, не стал бороться за лидерство в партии, но Сталин уберет всех, кто входил в первый эшелон большевистской партии, пощадив, пожалуй, только женщин-революционерок. Он не считал их своими конкурентами. И, разбив всех остальных претендентов на партийный трон, Сталин пришел как победитель на XVII съезд ВКП(б), заявив: «Бить некого». Но он, как бывший боевик, давно исповедовал другую формулу: «Лучший враг – это мертвый враг», поэтому, оттеснив соперников от власти, он прекрасно понимал, что они будут внимательно следить за всеми действиями и любую ошибку, любой его промах постараются использовать в своих целях. Эти враги ему нужны были мертвыми, но как с ними расправиться, как казнить, какую найти причину – вот что занимало его ум, ради этого он и «сбивал» свою команду. И Киров, как его ставленник, ему был необходим.

Кроме Сталина у Кирова еще один друг – Серго Орджоникидзе. Сталин и его привел на вершину власти, сделав членом Политбюро и наркомом тяжелой промышленности одной из ведущих отраслей советской экономики. До 1932 года Киров как бы в тени дружбы Серго и Кобы, это была одна из партийных кличек террориста Иосифа Джугашвили. 13 июня 1907 года

в 10.30 утра в центре Тифлиса бомба искорежила фаэтон, перевозивший банковские деньги, началась пальба, вылетел бесстрашный Коба со своими боевиками, захватив в один момент 350 тысяч рублей. Через две недели они были переправлены Ленину в Париж. Но вождь мирового пролетариата, поощрявший такие акции, этой кругленькой суммой воспользоваться не сумел: купюры были достоинством в 500 рублей, и царское правительство тотчас проинформировало все мировые банки об их захвате. Но осталось восхищение Ленина отвагой Кобы и боязнь доверять этому боевику партийный корабль. Ленин предчувствовал, что Сталин быстро взметнет на нем пиратский стяг и утвердит свои кровавые пиратские законы, что, впрочем, и случилось.

Серго Орджоникидзе боевиком не был, но пламенным революционером родился. Потом в биографиях всех нерепрессированных вождей этот факт обязательно будет отмечаться, из чего даже возникла крылатая фраза: «Революционерами не становятся, революционерами рождаются».

Коба и Серго были оба родом с Кавказа, оба рано пришли в революцию, Серго Орджоникидзе хорошо знал и ценил Ленин, наконец, оба к тому времени жили в Москве, Киров же появлялся там наездами. Но в 1932 году, в ночь с 7 на 8 ноября, кончает самоубийством жена Сталина Надежда Аллилуева. По одной из версий, Сталин застрелил ее сам. Отношения между ними складывались весьма просто. Грубость и хамство оскорбляли гордую и самолюбивую Надежду Сергеевну, но не последним обстоятельством в ее смерти стало и то, что она сознавала всю губительную роль Сталина в уничтожении русского крестьянства, в том кошмарном голоде, который продолжался три года, с 1930 по 1933 год, и особенно жестоко проявился в Поволжье и на Украине.

Эта смерть, похожая на вызов, подкосила Сталина. И тут появился Киров, ласковый, сиянием голубых глаз, искренний и заботливый. И Сталин, как ребенок, потянулся к нему. Он уже ревновал его к Орджоникидзе. Теперь в каждый приезд Кирова в Москву он живет на квартире Сталина, последний доверяет ему самые личные интимные тайны, они вместе ходят в баню, лишь перед Кировым Сталин не стесняется обнажаться, показывать уродливую сохнувшую левую руку. Они становятся как братья, Киров, бывая на охоте в Луге, под Ленинградом, не забывает каждый раз посылать Кобе – это старая партийная кличка Сталина – охотничьи трофеи, Сталин, уезжая на море, зазывает туда Кирова. Они вместе купаются, загорают и говорят. Говорят обо всем, что приходит в голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.